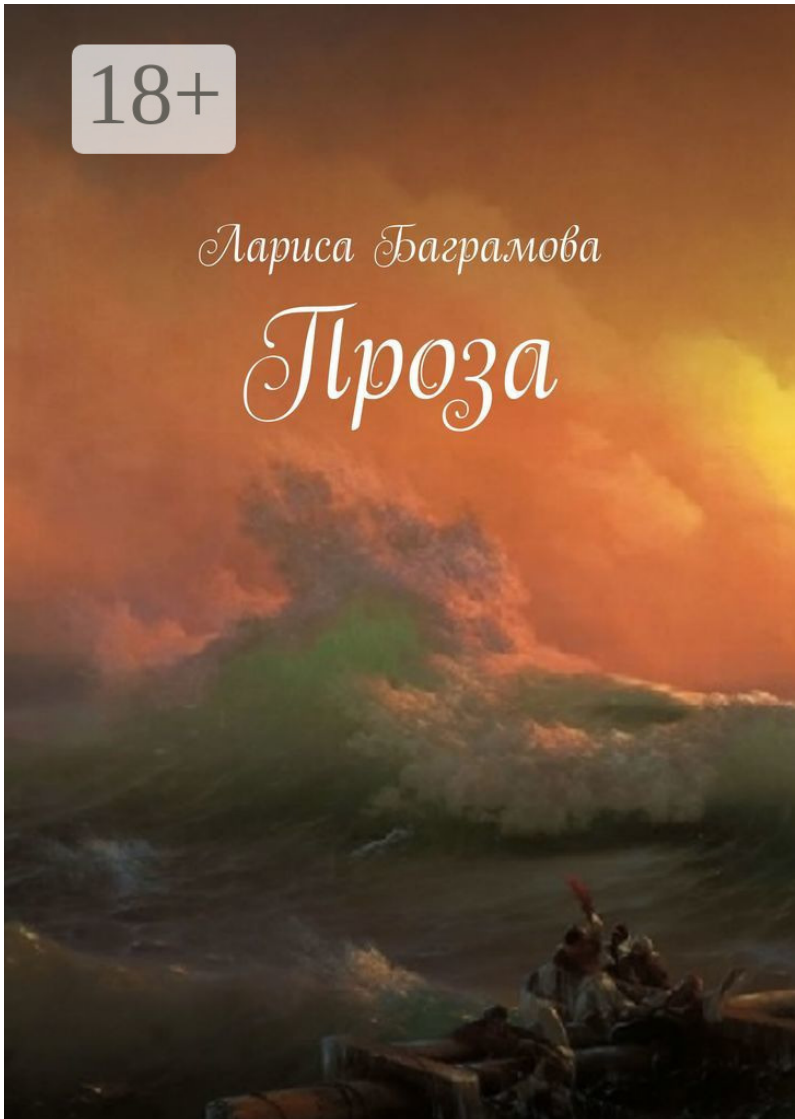

18+

Лариса Баграмова

Проза

Лариса Баграмова

Проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50282840

ISBN 9785449814692

Аннотация

В сборнике представлены повести, рассказы, художественные миниатюры и психологические зарисовки, основной тематикой которых являются душевные метания женщины эпохи постмодерна в поиске идеальных любовных отношений с партнёром – трагические, философские, иронические, но неизменно открытые, искренние и полные надежды на самое позитивное будущее.

Содержание

Повести	5
Автомобильный романс	5
Листья. Апокалипсис	60
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Проза

Лариса Баграмова

Редактор Тимур Валентинович Филатов

© Лариса Баграмова, 2020

ISBN 978-5-4498-1469-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повести

Автомобильный романс

*Владимиру Баграмову, моему отцу,
с любовью посвящается*

Все герои и события являются вымышленными

1

Май в том году выдался тёплый и солнечный. Я шла по улице с односторонним движением по направлению к автошколе.

Девятьсот восемьдесят пять метров, если верить карте. Доехать никак нельзя, по этой улице не ходит общественный транспорт. Можно взять попутку, но мне было весело шагать вдоль жёлтых пятиэтажек, бесконечных гаражей и кустов благоухающей сирени.

Впрочем, что эта улица именно с односторонним движением, я заметила позже. Так же как вспомнила о существовании дорожных знаков и светофоров. За все двадцать шесть лет знание правил дорожного движения пригодилось мне лишь однажды.

Учась в школе, классе в четвёртом, я участвовала в каком-то районном соревновании, где среди прочих заданий предлагалось провести игрушечную машинку по макету улицы со светофорами, разметкой и дорожными знаками.

Нас выстроили в ряд всей командой, и я оказалась в этом ряду последней. Одноклассники один за другим брали в руки большую яркую машинку и провозили её по правильному маршруту на зелёный свет и указатели поворота.

Одну и ту же машинку. По одному и тому же маршруту. На одни и те же знаки и указатели. Одну и ту же машинку. По одному и тому же маршруту. На одни и те же зн...

Когда очередь дошла до меня, я взяла автомобильчик в руки и повела его сначала на красный, потом под «кирпич», а потом уверенно припарковала около знака «стоянка запрещена». На изумлённые взгляды судей и возмущенный возглас классной руководительницы я громко заявила, что так делать не следует потому, что это против правил. Ответ был зачтён как верный, но до конца мероприятия все поглядывали на меня с некоторой опаской.

И вот я иду в автошколу – лучшую из всех, которые смог-

ла найти в Интернете. Я хочу научиться водить машину. Я ни разу в жизни не была за рулём, но уверена, что всё получится. Как получалось до этого момента всё и всегда. Я хочу научиться водить её хорошо.

4

Звонок инструктора по вождению застал меня на улице. Очень уверенный и почему-то очень знакомый мужской голос велел записать информацию. У меня не было с собой ни ручки, ни бумаги.

– Я запомню, – твёрдо пообещала я.

– Надо записать, – возразил собеседник.

– Нечем, – оправдывалась я.

– Надо найти, – настаивали в телефонной трубке.

– Я запишу на земле прутиком, – предложила я творческое решение задачи, пытаясь одновременно вспомнить, где слышала этот голос раньше.

– Надо на бумаге! – убеждал мой будущий инструктор.

Мне пришлось разыграть сцену отъёма ручки и листка бумаги у случайного прохожего (ага, у случайных прохожих всегда бывают с собой нужные предметы), выразительно изображая в трубку соответствующий диалог.

И только после этого он продиктовал... три цифры – номер своей машины!

– Зачем было записывать? – изумилась я.

– Забудешь, – с лёгким пренебрежением ко всему женскому полу произнёс собеседник.

Он ошибся. Эти три цифры я запомнила.

– Завтра в десять тридцать, и принеси с собой деньги на бензин, – добавил он в ответ на моё растерянное молчание.

Я искренне возмутилась: в автошколе обещали, что можно будет выбрать любое время, а про оплату горючего вообще не было речи.

На самом деле они просто забыли сообщить об этом, и требование инструктора было вполне справедливым, но я про это ничего не знала.

– С чего бы это? – возразила я, – Приду в девять. Денег не дам.

– Тогда приноси бензин с собой, – повысил голос преподаватель.

– Принесу и вылью на голову, – с вызовом пообещала я, – Вы, кстати, курите?

В телефонной трубке повисла пауза.

– Все приносят на бензин, а в девять я уже договорился, – удивлённо сообщил инструктор.

– Я не все! – предчувствуя победу, гордо заявила я и тут же услышала частые гудки.

Второй звонок раздался спустя пару минут.

– Завтра в девять! – рявкнул тот же голос, – С бензином!

Ах, так! Да не вопрос! На следующее утро, ровно в девять

утра, я стояла на площадке для обучения вождению, и в руках у меня была полная пятилитровая канистра.

5

Я не обратила внимания на его внешность, я была занята тем, какое впечатление производит на окружающих моя ноша. Просто седой пожилой мужчина. Ничем не выделяется среди других, таких же немолодых и по-рабочему одетых инструкторов. Разве что очень мрачен и не говорит ни слова, только кивнул в ответ на моё появление – но какое мне до этого дело?

Канистра с горючим под тихое улюлюканье сослуживцев была без комментариев вылита им в бензобак. Так же молча, закулив сигарету и не глядя никому в глаза, он завёл машину, сел на пассажирское место (оно же инструкторское, а внизу дополнительные педали сцепления и тормоза), развернул автомобиль одной рукой и жестом пригласил меня за руль.

Я села в салон на переднее сиденье, впервые с левой стороны. Приборчики-лампочки-ключики-педальки – я уже несколько лет ездила на машине в качестве пассажирки и никогда не обращала на это внимания.

Он начал говорить... И моё сердце остановилось...

6

Я не помню своего отца.

Он ушёл из семьи, когда мне было три года. Говорят, я очень скучала и плакала. Ждала его по вечерам у входной двери. Спрашивала, когда он придёт. Со временем его образ стёрся из воспоминаний. Но видимо, память ребёнка так устроена, что ничто не теряется окончательно. Всё, что касалось отца, сохранилось где-то очень глубоко в сознании. Его манеры, особенности внешности. И голос.

Именно этот голос, и характер, и что-то ещё трудноуловимое, но такое родное и знакомое, я искала всегда в окружающих меня мужчинах. Искала – и не находила до тех пор, пока не села за руль учебной машины в автошколе. И мир для меня перевернулся.

7

Александр Иванович, седой, пожилой, не улыбочивый мужчина, косясь глазами куда-то в сторону и бережно прикасаясь руками к приборам, рассказывал про устройство автомобиля. Я не помню из его речи ни слова. Я не смогу сказать даже приблизительно, сколько она длилась – десять минут, полчаса или больше.

Я слушала его голос, и сознание уплывало куда-то из окружающей меня реальности. За окном вместо ясного майского утра наступили осенние сумерки, а в машине словно зажглось солнце, и стала отчётливо видна каждая деталь,

соринка, царапинка. Всё перестало существовать, кроме салона автомобиля и сидящего рядом со мной мужчины, который всё говорил, говорил, говорил, и эти звуки убаюкивали, уносили обратно в моё далёкое детство, к самым истокам. Домой! Под родительский кров. В ласковые руки отца.

И тут же становилось бесконечно тревожно от осознания близкого и возможного исполнения мечты.

Никогда я не испытывала такого волнения и покоя одновременно. Никогда с самого детства, когда отец подбрасывал меня к потолку, и я захлебывалась от счастья и блаженного страха.

8

Кажется, у меня раскрылся рот от удивления и восторга. Кажется, я смотрела прямо ему в лицо и твердила «боже мой». Кажется, я даже попыталась выйти из машины, смутившись от охвативших меня чувств, но передумала и всё же осталась.

Он заметил моё состояние. Он говорил, и его интонация становилась всё более мягкой, осторожной, а голос звучал всё глуше. Мне слышались в нём попеременно то вопрос, то радость, то сомнение, то бесконечная нежность. Потом он замолчал и уставился на моё отражение в лобовом стекле.

– Распишемся? – его вопрос прозвучал совершенно естественно и словно бы не относился к учебному процессу.

– Обязательно! – и я уверенной рукой поставила свою подпись в учебной ездовой карточке.

Он кивнул. Решение было принято.

9

На следующий день я шла на площадку для обучения вождению, как в школу самого-самого первого сентября в своей жизни, как на защиту блестяще написанного диплома. На душе было ощущение внезапно наступившего праздника. Вокруг расцветали ослепительно яркие краски. Сердце замирало, сжималось и затем словно пускалось в пляс, выбрасывая в кровь новые порции адреналина.

– Я боюсь, у меня ноги трясутся, – доверчиво заявила я своему спутнику.

– Чего бояться? Я же рядом! – улыбнулся он мне, – Поехали!

10

Как можно описать первые часы счастливой влюблённости?

Прикосновения рук, сияние глаз, дрожание голоса – всё так ожидаемо, так понятно, и всё это происходит в то же время впервые: именно с нами, и потому так, словно не случилось ещё никогда раньше. Какие-то мало что значащие

фразы о пустяках, которые кажутся значительным и ёмкими. Лёгкий смех, заполненные стуком сердца паузы. Общие взгляды абсолютно на всё. Одно на двоих дыхание. Синхронность движений. Душа поёт и рвется за пределы тела – вверх, вверх, расправляя сложенные за спиною крылья ангела.

– Сцепление, первая, отпускаяй, нежнее, заводи, сцепление, отпускаяй, сцепление, тормоз, – и машина движется по площадке заячьими прыжками.

– Ой, она едет, едет! – пищу я от радости, ещё не понимая даже, что калечу дорогой механизм своими неумелыми попытками.

А.И. улыбается, а из автомобильного радио льётся лёгкая светлая мелодия:

...с первой улыбки, с первого взгляда, с первых слов...

11

Я была влюблена несколько раз в жизни. Спокойно или мучительно, долго или мимолётно, глубоко или играючи, но всё заканчивалось рано или поздно. И я научилась понимать закономерности того, что происходит со мною. Насколько я помню, на следующий день после прихода новых чувств мне всегда хотелось побыть в одиночестве.

– Нечем, – оправдывалась я.

– Надо найти, – настаивали голос в телефонной трубке.

– Я запишу на земле прутиком, – предложила я творческое решение задачи, пытаюсь одновременно вспомнить, где слышала этот голос раньше.

Кто может заранее знать, к чему приведут только что зародившиеся отношения? Что ожидает в будущем: упоение счастливой страстью, лёгкая грусть охлаждения или боль разломленного на части сердца?

И до тех пор, пока это остаётся неизвестным, пока будущее ещё не вступило в свои права, мне надо побыть в состоянии спокойного равновесия, отпустить прошлое, дать себе время открыться навстречу новым событиям и чувствам.

12

На этот раз всё получилось совершенно иначе. Назавтра мне не удалось не только побыть наедине с собой, но пришлось пережить буквально нападение! А.И. повёл на меня массивную словесную атаку. Мне никогда не приходилось слышать такое количество слов за столь короткий промежуток времени.

Он говорил и говорил, быстро, безостановочно и бесконечно долго. Фразы лились сплошным потоком, оглушая и увлекая за собою в омуты и водовороты.

О чём? Я не помню. Зачем? Я не знаю. Моя голова кружилась, я тонула в потоке звуков. По-моему, он нёс ахи-нею. И временами резко бросал взгляд в мою сторону, на-

блюдая за производимым впечатлением. Оно было грандиозным. Наверное, именно это и называется «потерять голову».

Я уходила с площадки, шатаясь, словно пьяная. Я ничего не соображала, кроме того, что я хочу, чтобы скорее наступил завтрашний день, и я снова погрузилась бы в водопад слов и ощущений.

13

На другой день я заявила в автошколу на полчаса раньше и обожала весь мир. Всё вокруг казалось наполненным присутствием А.И., он был везде и повсюду, и всё, что окружало меня, имело к нему самое прямое и непосредственное отношение. Я стояла среди остальных инструкторов – его коллег, шутила и смеялась, принимала комплименты, расспрашивала их о работе – его работе, касалась в разговоре их плеч, и мне казалось, что я дотрагиваюсь до него самого. Я чувствовала себя ослепительной и прекрасной, я была в центре внимания и абсолютно счастлива.

Я села в машину с еле сдерживаемым желанием броситься А.И. на шею и вдруг наткнулась на его гримасу, изображавшую горькое разочарование и недобрую усмешку.

Что произошло? И когда случилась эта перемена? Вчера, после того, как мы расстались? Сегодня? Только что? Из-за чего?

Ещё не поняв сути случившихся изменений, я попыталась начать разговор, но мои слова застряли на полпути.

– Не дёргай ключ! – услышала я его грубый и почти презрительный окрик, – Машина и так заводится с пол-оборота.

14

Меня часто стыдили в детстве. За неловко сказанное слово, разбитую чашку, случайную двойку, за прямоту суждений, мечтательность и оторванность от мира сего. Чувство стыда преследовало меня долгие годы. Иногда оно становилось таким сильным, что мне хотелось причинить себе вред или боль, только чтобы не повторять своих ошибок, чтобы стать лучше и соответствовать пожеланиям и идеалам моих родных.

Я содрогнулась от страшной догадки: моё поведение показалось А.И. недопустимо вольным.

Это я, по его мнению, завелась с пол-оборота, а это неприемлемо, некрасиво, достойно осуждения. Он устыдился меня, моего громкого смеха и откровенного взгляда, и сейчас разочаровывается во мне так же, как разочаровывались до этого раз за разом мои несправедливые родственники. Мне показалось, что я получила от него пощёчину.

Но он не может так думать обо мне! Он не смеет быть таким же, как они. Он не имеет на это права, он просто обязан быть другим: справедливым, понимающим, мудрым...

Я рванула рычаг переключения передач с такой силой, что коробка захрустела.

– Ничего не выйдет, девушка, – с горечью усмехнулся А.И., – Ласки не хватает. И не терзай машину, она ни в чём не виновата.

Из автомобильного радио понеслось противно и безжалостно:

...девочка студенточка влюбилась на беду,
думала, мол, я его с собою уведу,
я ведь молодая, вся такая из себя...
ах, девочка, не надо, не обманывай себя!..

15

Я почти никогда не ругаюсь. Я не люблю мата и крепких слов, а многоэтажные построения их них кажутся мне искусственными и нелепыми. При какой-либо неожиданности я говорю «ой» или «мама», а не что-нибудь другое.

Но тут меня понесло! Хотя на сооружение сложных конструкций мне не хватило опыта и словарного запаса, но звучные и ёмкие на эмоции ругательства вылетали из моего внезапно охрипшего горла до самого конца занятия.

Не знаю, на кого я злилась больше: на него, саму себя или на тех, кто долгие годы приучал меня соответствовать чужим ожиданиям. Мне уже нечего было терять. Никакую ошибку нельзя исправить. Даже если бы с этого момента я начала ве-

сти себя, как монахиня, и оставалась бы в этом образе всю жизнь, то, что только что было сделано, теперь навсегда останется уже сделанным.

А.И. замер, словно окаменел, уставился в одну точку и не произносил ни слова. Коробка переключения передач стонала и скрипела у меня под рукой, я резко бросала сцепление и глушила мотор, выкручивала руль до отказа, давила колесами полосатые столбики, тормозила в пол почти вплотную к железному ограждению площадки, материлась, как извозчик, и на прощание собралась хлопнуть со всего маху дверью.

Однако А. И. опередил меня:

– Закрой бережно, – он произнёс это, не поворачиваясь в мою сторону, тихо и совершенно спокойно, но все мои силы разом иссякли, и я не посмела послушаться.

16

Потом была пятница. А.И., видимо помня об учинённом мною вчера погроме, усаживался на своё место неторопливо, вопросительно косясь на меня через плечо. И так же очень медленно и осторожно повела я машину по зигзагам учебной площадки.

– Молодец! – услышала я его восхищённый шепот, и моё сердце вновь наполнилось теплом и ликованием.

Следующие несколько дней мы разговаривали мало. Чаще молчали. Слушали радио. Терпеливо ждали своей очереди на учебную парковку и в гараж. У меня никак не получалось начать с ним разговор первой. А.И. постоянно раздумывал о чём-то, и я не решалась мешать ему.

С каждым днём я все яснее понимала, как трудно мне будет расстаться с ним. А в том, что расстаться придётся, я не сомневалась. Кто я для него? Он казался мне почти богом. Чем я могу его заинтересовать? Ветреная и легкомысленная девчонка, не умеющая себя вести, не знающая, как поддержать беседу.

Я только что нашла его, нашла после долгих и безуспешных поисков, нашла тогда, когда уже совсем отчаялась найти – и мне опять придется потерять его, потому что иначе и быть не может. Потерять так же неизбежно, как я потеряла в своё время отца.

А.И. похож на него как брат-близнец, я отметила это для себя сразу же. Я видела фотографии родителя в Интернете. Он стал известным человеком, и я нашла про него множество информации. Те же крупные черты лица и суровый неподкупный взгляд. Тот же царственный поворот головы.

Такой же крест на широкой распахнутой груди.

Я смотрела на А.И., и образ моего отца каждый раз проступал сквозь его облик изнутри. Даже его глаза казались мне поначалу карими.

19

По улицам полетел тополиный пух. А.И. открыл бардачок и достал из него ингалятор.

– У вас астма? – спросила я.

– Да. У твоего отца то же самое? – осторожно поинтересовался он.

– У него всё то же самое, – обречённо заметила я, – Вообще всё.

А.И. кивнул так, словно ждал именно такого ответа.

Мне захотелось поговорить об отце. Раз они так похожи, они должны быть интересны друг другу. А.И. не задавал вопросов и внимательно ловил каждое слово. Когда я говорила слишком тихо, и мой голос тонул в шуме мотора, он наклонял ко мне голову, и я радовалась тому, что наконец-то смогла найти подходящую тему для разговора.

20

На следующий день я принесла А.И. свои стихи, написанные для отца.

– Возьмите, – протянула я журнал, – Это вам, можете оставить их себе.

– Я плохо вижу, у меня нет с собой очков, – нахмурился А.И. и отвернулся.

– Возьмите домой, – настаивала я, – Дома очки есть?

– Мне некогда дома, – попытался он отказаться снова.

– Возьмите! Я хорошо пишу! – и я всучила журнал прямо ему в руки, – А мой папа играет на гитаре! – радостно добавила я.

– Я не играю на гитаре, – мрачно заметил А.И.

– А мой папа поёт, – продолжала я.

– Я не пою, я слушаю радио, – огрызнулся мой собеседник.

– А мой папа...

– Я не он! – отрезал А.И., и мне пришлось замолчать.

21

«Я не он!» – эта фраза засела в моём сознании занозой. Он не он! Он не мой отец. Но я горжусь им так же, как собственным отцом. Я уважаю его мнение, мне важно его отношение ко мне, я стыжусь в его присутствии совершить ошибку или неблаговидный поступок. Я отношусь к нему так же, как к голосу своей совести.

Вижу ли я в нём реального человека или только чужое отражение? Что я знаю, собственно, про самого А.И.?

– Сколько вам лет? – спросила я на следующий день.

– Шестьдесят девять, – его ответ прозвучал, как разрыв бомбы. Он старше моего отца почти на двадцать лет!

Я не заметила, как он выглядит, при первом знакомстве. Я не заметила этого и позже. Я просто не обратила внимания.

Шестьдесят девять? А сколько вообще живут мужчины? Моё сердце сжалось в комок. Шестьдесят девять. Мне двадцать шесть. Между нами сорок три года. В полтора раза больше, чем вся моя жизнь до этого момента!

– Много? – усмехнулся А.И.

– Нормально, – вот всё, что смогла я ответить.

22

Наступило время выезжать с учебной площадки в город. А.И. пришёл растрепанный и лохматый и не был похож сам на себя. Он то и дело взъерошивал свои обычно аккуратно уложенные волосы и вёл себя так, словно готовился к решительному шагу.

Мы дождались поднятия шлагбаума и выползли в город.

– Сцепление, вторая, газ! – скомандовал А.И.

Я утопила педаль газа в пол, машина взревела и дёрнулась вперед. А.И. вцепился в рулевое колесо, как клещ, и нас потащило вдоль по улице. После неспешного и осторожно-го передвижения по учебной площадке скорость показалась мне огромной.

– Гааааааз! – рычал А.И. перед каждым светофором, и мы неслись вдоль бульвара, обгоняя попутные машины то справа, то слева.

Через несколько минут я почувствовала себя увереннее и расслабилась. Видя, что А.И. легко удерживает машину одной левой, я отпустила руль и стала разглядывать происходящее за окнами.

Первым, что я заметила, оказалось то, что мы проехали на красный свет! Поначалу я решила, что ошиблась. Однако следующий светофор мы миновали, вильнув мимо стоящих на нём машин, по встречной полосе.

Боже, что он делает?

– Гааааааз! – и мы продолжали сумасшедшую гонку. Перекрёстки мелькали один за другим. А.И. выкручивал руль то вправо, то влево, машина двигалась зигзагами, и меня мотало из стороны в сторону.

– Аааааап! – от резкого поворота автомобиль ушёл в занос и не вылетел за пределы перекрестка, как мне тогда показалось, только чудом.

Я завизжала от восторга. Вот это да! Вот это школа!

– Брось педаль! – рявкнул он мне в самое ухо.

Я отпустила газ, после чего машина споткнулась, и в меня впелись ремни безопасности. А.И. дёрнул рычаг, развернулся назад всем корпусом, опустил свою ногу на педаль газа поверх моей и стремительно припарковал машину задним ходом между стоящими у тротуара автомобилями.

– Боже! – выдохнула я, откидываясь обратно на спинку, – Ещё!

– Никогда! Никогда не следует делать так, как я только что делал! Это против правил! – твёрдо заявил мне А.И., и мне показалось, что я уже слышала эти слова когда-то раньше...

23

Я шла домой такая гордая, словно это я сама только что нарушила все правила дорожного движения. Я восхищалась его умением водить машину. Только профессионал мог позволить себе подвергнуться такому риску, ничем при этом, по сути, не рискуя.

Я уважаю профессионалов! Я ценю их труд, их увлечённость, их преданность своему делу. И даже завидую тем, кто смог развить свои умения в какой-то области до высшего уровня. Они уже сумели – я ещё нет. Должно быть что-то и в моей жизни, о чём я могла бы сказать – да, я это умею, и я умею это хорошо. Поэтому я настроена научиться водить машину мастерски.

И для этого мне нужен А. И. Только он!

24

В программу обучения вождению в автошколе помимо практики и теории входит также занятие по оказанию пер-

вой помощи пострадавшим.

В учебной комнате рядом со столом преподавателя разместили манекен для проведения искусственного дыхания: голова и туловище. Он одет в рубашечку с короткими рукавами, и через распахнутый ворот на его груди видно нацарапанное кем-то имя «Вася».

Преподаватель – женщина, штатный врач автошколы, она сразу же производит на меня приятное впечатление. Такому врачу можно довериться.

Она рассказывает нам о своей службе в Афганистане, о работе в реанимации, и мы слушаем про разные травмы: лёгкие, средние, тяжёлые и очень тяжёлые. Кажется, её мучают какие-то мысли, потому что порой её речь замедляется, потом она замолкает, отводит взгляд в сторону и остаётся некоторое время в задумчивости. О чём размышляет эта женщина? Что тревожит её душу?

– После наступления смерти спустя несколько часов в зависимости от окружающей температуры и прочих условий на теле появляются трупные пятна...

Стоп. А это нам зачем? У нас занятие по оказанию экстренной помощи живым, а не мёртвым.

– Спустя несколько часов после смерти... сутки... неделю... месяц, – продолжает она своё повествование, и слушатели добросовестно записывают.

Я откладываю ручку и пытаюсь уловить её взгляд. Но она упорно не смотрит на меня, хотя я единственная в аудито-

рии перестала писать и демонстративно откинулась на спинку стула.

Я тоже отвожу глаза в сторону. Шестьдесят девять. Сколько времени осталось до того момента, когда его сердце остановится? Где и при каких обстоятельствах это случится? Кто будет с ним рядом в эту минуту?

Боль неудержимым потоком растекается по моей груди. Господи, я не хочу, чтобы он умирал! Пусть совсем старый и немощный, пусть обездвиженный и даже потерявший часть своей личности – но пусть он всё же живет, дышит, думает, чувствует...

– После наступления клинической смерти следует провести искусственное дыхание, – переходит она к новой теме и кладёт свою руку на грудь лежащего на столе манекена, – и делать это нужно очень осторожно в зависимости от состояния пострадавшего и его возраста.

Она рассказывает об особенностях процедуры и гладит манекен по голове, лицу и груди с нацарапанной на ней надписью.

– Вот наше учебное пособие, и зовут его Вася, и обращаться с ним нужно бережно: Вася старенький, Васе семьдесят, – продолжает она ласкать манекен.

Я вздрагиваю, вскидываю голову и впиваюсь глазами в её лицо. На этот раз она смотрит в упор прямо на меня.

– И обращаться с ним следует бережно, а лучше оставить его в покое, пусть он останется там же, где он сейчас.

Пусть лучше он останется там, где сейчас, со своей семьёй и детьми.

Я встаю так резко, что парта чуть не опрокидывается от удара о мои ноги. Я хватаю её за край и отодвигаю в сторону стенки, чтобы можно было пройти вперед. Другой рукой я сгребаю со стола сумку и разворачиваюсь к выходу.

Меня не надо учить жизни! И смерти тоже не надо! Я сама в состоянии решить, что и как мне следует делать.

25

У А.И. есть друзья, для которых он не бог, а обычный земной человек. Есть, как оказалось, также семья и близкие. Они живут с ним в одном доме, сидят за одним столом, видят его в домашней одежде, болезнях и дурном настроении. Они знают всё о его успехах и неудачах.

Я не знаю о нём ничего. Образ моего отца вьелся в А.И. намертво, как штамп, и мне кажется, что оторвать их друг от друга почти невозможно. Что же, чем сложнее задача, тем важнее для меня найти решение.

Я пытаюсь каждый день украдкой разглядеть А.И. поближе, но по-прежнему не могу оценить ни его внешность, ни характер, ни сделать о нём какие-либо выводы. Он отличается от других, он не такой, как все, я знаю это точно, но вот какой именно, остаётся для меня загадкой.

Согласно новым правилам дорожного движения, водителям теперь следует пропускать пешеходов на отведённых для этого переходах. А пешеходы бывают разные. Один терпеливо стоит у края тротуара, другой мечется туда-сюда, третий передумывает на полпути и отскакивает обратно, а четвертый идёт напролом, свято веря в свою правоту и законность действий.

Сутулый седовласый мужчина с клюкой в жилистой старческой руке вырос перед капотом учебной машины неожиданно. Кто-то из нас первым успел выжать сцепление и тормоз. Машина остановилась, как вкопанная, вплотную к его ногам.

– Прости, отец, – виновато воскликнула я.

И в ту же секунду мы оба, не сговариваясь, подались вперёд, к самому лобовому стеклу.

– Воооооон!!! – заорали мы с А.И. одновременно так, что старик шарахнулся в сторону, прикрывая голову клюкой и руками и чуть не потеряв при этом равновесие.

Параллельная парковка задним ходом давалась мне с большим трудом. Я никак не могла вписаться в узкое пространство, и мой инструктор становился день ото дня всё

мрачнее.

– Покажите мне, как это делается, – просила я его после каждой неудачной попытки.

– Сама, – упорно отказывался он исполнить мою просьбу, – Сама. Никто не сделает это за тебя.

– Покажите, я не справлюсь, я не вижу ориентиров.

– Ищи, – не уступал мне А.И.

Я искала, но видимо, ориентиры оказывались неподходящими, потому что с каждым разом у меня получалось всё хуже и хуже. Мне становилось неловко за своё неумение выполнить задачу, с которой все остальные справлялись уже вполне успешно.

В очередной неудачный раз я, как в кегельбане, снесла задним бампером все столбики и в отчаянии заглушила мотор.

– Покажите мне парковку! Помогите мне! – уже сквозь слезы потребовала я, – Ведь вы уйдёте, – и обида захлестнула меня с головой.

А.И. вздохнул и вылез из инструкторского кресла. Я побрела вдоль автомобиля к его открытой правой двери. Отогнав машину в сторону и расставив полосатые шесты по местам, он снова сел за руль и, обняв его обеими руками, прижался к нему лицом.

– А ведь я уйду, – тихо проговорил А.И., и поток боли снова разлился по моей груди.

Я съёжилась на пассажирском сиденье и опустила голову

вниз – и тут машина дёрнулась, взревела, развернулась вокруг своей оси и, пройдя юзом вдоль забора, припарковалась на нужное место, как влитая!

Стоявшие на площадке инструкторы всплеснули руками и схватились за головы. А я даже не успела сообразить, что произошло. Вещи в салоне подскочили с передней панели к потолку, и я машинально закинула их на место.

А.И. победоносно улыбался в усы.

А если... Если таким вот нелепым юношеским способом он пытается мне понравиться?

– Истеричка, – кокетливо бросила я ему через плечо, и А.И. смутился, как подросток.

28

Последние пару дней я размышляла только о том, как мне перейти с ним на «ты». Правила дорожного движения, подготовка к теоретическим экзаменам были совершенно позабыты и заброшены. А.И. стал вынужден подсказывать мне каждое действие, каждый поворот и сигнал светофора.

Размышляя о том, как мне перестать «выкать», я опять пропустила стрелку.

– Что ты делаешь? Ты правила-то учила?

– Не-а, – рассеянно ответила я, – Зачем мне правила?

– Ты не знаешь правил? – А.И. повысил голос, и его лицо стало строгим, почти суровым, – Ты водишь машину

и не знаешь правил?!

Я насторожилась и попыталась робко оправдаться:

– Вчера не успела...

– Немедленно паркуйся! – потребовал он с возмущением.

Сердце моё упало. Ну что мне стоило вчера повторить правила? А теперь он выгонит меня из машины, а потом меня исключат из автошколы...

Когда я остановилась у бордюра, А.И. включил аварийку, достал рабочий планшет и нашёл мою карточку. Всё, сейчас он поставит мне неуд.

– Так ты не знаешь правил, – вертел он в руках бумагу, и голова моя виновато опускалась всё ниже и ниже, а на глаза невольно наворачивались слезы, – И что ты прикажешь мне делать?

– Не знаю, – прошептала я, – Простите меня...

– Дяденька, – подсказал мне А.И.

– Дяденька, – послушно повторила я.

– Я тебе покажу «дяденьку»!

Перевернув карточку, он начал рисовать на ней схему перекрестка и светофоры со стрелками.

– Вот, – и голос его снова зазвучал тепло и ласково, – Стрелка – это не целый светофор, это его половинка. Сначала нужно пропустить всех тех, кто едет на целый, а потом могут ехать половинки.

Я ожила: он не собирался исключать меня из автошколы. Ну, раз так, я набралась смелости.

– А можно на «ты»? – решила я наконец.

А.И. поспешно кивнул.

– А... Саша... Ты...

Ручка в его руке перестала рисовать стрелочки.

– Скажи мне... Если стрелка моргает... Это что?

Саша неподвижно смотрел на нарисованную им картинку.

Мне показалось, что он думает совсем не о правилах дорожного движения.

– Если стрелка моргает, это значит, что она скоро погаснет...

Я закрыла глаза. Мы сидели в салоне в полной тишине, и я думала о стрелке, которая рано или поздно всё равно погаснет...

29

Все инструкторы автошколы, научив своих подопечных азам вождения, разрешали им после этого ездить по учебной площадке самостоятельно. Саша не вышел из машины ни разу.

– Эй, Санёк! Чего ты там расселся? Вылезай! Она сама всё умеет.

– Мне тут мягче, – отшучивался мой инструктор, и мы ехали дальше.

Проходя мимо преподавательской, я услышала:

– Зачем он с ней катается? Она вроде бы нормально водит.

– Чтобы не убежала, наверное.

– Ну, приковал бы наручниками, а сам отдыхать.

– Не поможет. Ты её видел? Она себе руку отгрызет, как волчица, – заявил старший мастер.

И всё же, почему он не выходил из машины? И он больше ни разу не похвалил меня. Видимо, водила я всё же скверно...

30

Меньше всего машин и гаишников в городе в четыре часа утра. Это очень удобно, особенно когда нет прав.

Тренироваться я решила во дворе своего дома. И разумеется, задним ходом. Откидываться назад и разворачиваться в машине всем корпусом, положив одну руку на спинку пассажирского кресла, – это очень эффектно.

Первые полчаса прошли успешно, и я осмелела. Если бы мои соседи не спали в этот ранний час, меня бы точно сдали в милицию. Я выписывала на задней передаче кренделя и восьмерки, и скорость движения всё возрастала.

Я сделаю змейку задним ходом! Я буду работать в цирке! Я попаду на «Формулу-1»! Я проеду в полуметре от угла дома! Я не впишусь в арку всего лишь на сантиметр...

Саши рядом не было, и тормозить оказалось некому. Передний бампер крякнул и аккуратно оторвался от машины. Выбравшись из-за руля, я первым делом порадовалась тому,

что мой прогноз оказался верным: я действительно не вписалась в арку всего лишь на сантиметр.

Тревога пришла позже, когда через несколько часов я снова села за руль учебной машины. Она отказывалась ехать.

31

Автомобилю всегда передаётся душевное состояние водителя. Когда он взволнован, рассержен, расстроен, машина ведёт себя точно так же.

– Что случилось? – спросил меня Саша через пару минут после начала занятия.

– Я сломала свою машину, я оторвала от неё бампер: раз – и всё! – кажется, мне удалось скрыть свою досаду за ребяческой бравадой.

– Зачем? – удивился он.

– Не знаю, я ещё не решила, зачем, – так же по-умному ответила я.

В городе Саша попросил меня ехать поближе к припаркованным у тротуара машинам. Хотя обычно я держала меньшую дистанцию, в этот раз я нахмурилась:

– Слишком близко.

– Понятно, – заметил он и закинул руки за голову, – Да, знаешь, эти машины такие хрупкие. У нас в автошколе ученики что только не ломали. Один с коробкой передач расправился – так дёргал, что выломал прямо с корнем. А дру-

гой рулевое колесо оторвал. У нас столовая раньше была, так вот он прямо в столовую с этим колесом заявился. Да-да, так и сидел за столом прямо с колесом. Все просто жуют, а он ещё и рулит.

Я нахохоталась до слез, и мои страхи рассеялись.

32

Потом мы несколько дней разговаривали обо всём понемногу и, в общем-то, ни о чём. Я научилась молчать, когда ему хочется тишины, и понимать его указания с полушёпота.

В Сашином голосе проскальзывали бесконечная нежность и терпение.

По радио пел Дассен:

...если б не было тебя, и мне не быть собой самим,
так и жил бы, твой призрак любя, призраком твоим
любим...

Если бы можно было вернуть какие-то мгновения своей жизни обратно, я вернула бы именно эти.

33

Обычно на уроки вождения я брала конфеты-леденцы. Как-то я их забыла и спросила, нет ли у него с собой сладкого. Саша поспешно открыл бардачок и вытащил из него точ-

но такую же конфету, какие я ела всегда.

– Случайно оказалась, – словно невзначай заметил он.

Я положила леденец в рот и спустя пару минут высунула язык. Отражение языка в зеркале заднего вида было ярко-оранжевым.

– Неправильная у тебя конфета! – категорично заявила я, – Надо у правильного производителя покупать, тогда она будет правильная. А у тебя сплошная химия.

В том же зеркале я увидела его расстроенное лицо и расстроилась сама. Вот зачем я это сказала? Ну, кто же критикует мужчину за его заботу? Теперь уже поздно.

На следующий день я попросила ещё леденец.

– Нет у меня больше конфет, – с лёгкой мстостью в голосе ответил Саша и тут же иронично поднял бровь кверху:

– Семечки будешь?

– Какие семечки! – возмутилась я, – Я же за рулём!

– Я забыл, – весело оправдался он и принялся щёлкать семечки сам.

Я вздохнула. Семечек я на самом деле хотела...

Перед следующим занятием вещи из шкафа были вывалены наружу и подверглись тщательному осмотру. Мне нечего надеть, это понятно, и всё же из них можно сложить пару-тройку удачных комбинаций.

После примерок была выбрана юбка чуть выше колена (когда сяду – будет короче) и розовая кофточка с вполне выразительным декольте. Впрочем... После стирки и сушки с подвешенным снизу грузом кофточка стала совсем в обтяжку, а декольте ещё на два сантиметра выразительнее.

Каблуки повыше. Губы чуть-чуть. Ресницы самую малость.

Саша заметил меня издалека и чуть не съел глазами. Так. Направление движения верное!

35

Раньше рядом с автошколой был расположен крупный вещевой рынок. Позже его снесли, и вокруг стало тихо и малолюдно. Но тогда в этом районе кипела и бурлила жизнь.

На самом подходе к автошколе был пятачок, где толпились таксисты. В надежде получить заказ они кидались навстречу любому прохожему, попутно, для повышения вероятности сделки, одаривая женщин цветистыми комплиментами.

Даже если такси мне не нужно, от возможности получить комплимент я не отказалась бы никогда. Поэтому подходя к группе таксистов, я невольно начинала улыбаться, и тогда ко мне подсакивал не один из них, а сразу все, кто был свободен. Проходя сквозь толпу улыбающихся и рассыпающихся в похвалах мужчин, готовых отвезти меня хоть на край

света, я чувствовала себя превосходно.

До того самого дня, когда внезапный порыв заставил меня оглянуться назад, и я увидела Сашу, стоящего у ворот автошколы и смотрящего мне вслед. Что-то в его взгляде подсказало мне избегать подобного поведения, и теперь, выходя на улицу, я стала вести себя, как восточная женщина, опуская глаза вниз и прикрывая грудь шалью.

Но видимо, дело было уже сделано: Саша вновь стал мрачен.

36

Все Сашины разговоры с того дня стали сводиться к тому, что он стар, болен, беден и совершил в своей жизни множество ошибок.

Я никак не могла понять, к чему он клонит. Стар и болен – я не заметила этого. Беден – какое мне до этого дело? Были ошибки – да у кого же их нет?

Зачем он твердил мне об этом? Предостерегал, защищая меня от необдуманных поступков? Или искал поддержки и одобрения? Слово просил у меня прощения...

Где найти слова, чтобы дать пожилому мужчине уверенность в правильности прожитой им жизни? И в том, что впереди ещё так многое возможно...

Я пыталась, но он становился всё более замкнут.

Ведя учебный автомобиль, я всегда чувствовала Сашину поддержку. Саша рядом – и он справится с любой задачей. Находясь за рулём, я чувствовала себя так, словно машину всегда вёл он сам. Возможно, именно поэтому мне было строго запрещено переключаться выше второй передачи.

Все остальные уже ездили со своими инструкторами как положено, а кто-то даже бессовестно лихачил, мы же упорно держались на скорости не больше тридцати.

– Поднимай шлагбаум! Наши черепахи поехали! – кричал в будку старший мастер, и мы выползали за ворота.

– Почему не включить третью? – удивлялась я.

– Нельзя на учебной машине ездить быстро, это против правил, – возражал Саша.

– Как нельзя? – возмущалась я, – Все ездят!

– Пусть делают, что хотят, – невозмутимо отвечал мой инструктор.

– Но я же так не научусь! – волновалась я о предстоящем экзамене.

– Именно так ты и научишься! – повышал он голос, и я снижала скорость до позволенного мне уровня.

И всё же явная несправедливость не давала мне покоя.

– Ну почему? Почему? – терзала я своего учителя, и после моего сотого вопроса он, наконец, ответил:

– Ты камикадзе! Я не хочу, чтобы ты разбилась.

Я устала ездить по бульвару.

Каждый день один и тот же маршрут. Каждый день одни и те же повороты. Я уже выучила их наизусть. Я уже не видела знаков и разметки. Просто знала, куда и как следует ехать, где тормозить и когда включать поворотник.

– Почему мы всегда ездим по бульвару? – возмущалась я, – Все ездят, куда хотят.

– Это учебный маршрут, от него нельзя отклоняться.

– Но все отклоняются!

– А если все поедут на красный, или по обочине, или начнут вылезать на встречку через двойную сплошную – ты тоже будешь так делать?

Вспомнив о нашем первом выезде в город, я засомневалась в том, что я так делать не буду.

– Все делают, – так тихо ответила я, что не услышала саму себя.

Но Саша услышал.

– Ты будешь ездить, как все? – усмехнулся он, – От булочной до аптеки и обратно?

– Нет, – уверено возразила я, – Я в Ташкент поеду! К отцу!

– Три с половиной тысячи километров? – изумился Саша и посмотрел на меня с нескрываемым восхищением.

– Я и не такое делала, – снисходительно улыбнулась я.

– Не сомневаюсь, – прошептал он.

39

Позже, после окончания курсов вождения, меня хвалили, что я умею отлично держать полосу: машина всегда идёт ровно, как по ниточке.

Но Саша не всегда считал так же.

Я вела машину по бульвару, как обычно. Маршрут уже был привычен настолько, что я могла бы закрыть глаза.

– Держи левее, – скомандовал Саша.

Я сдвинула машину чуть-чуть влево.

– Теперь правее, – дал он мне новую инструкцию.

Я вернула её обратно.

– Левее! – его голос стал жёстче, и в нём появились нотки раздражения.

Я повторила манёвр.

– Да что ты всё время виляешь? – и Саша, ухватившись за руль обеими руками, дёрнул автомобиль в сторону тротуара.

Я, приложив серьёзные усилия, сумела его выровнять.

– Не тяни, не тяни к себе! – продолжал он поворачивать колесо в свою сторону.

Однако что бы он ни делал, я упорно перемещала машину чётко на среднюю линию полосы движения.

– Ты борешься со мной! Ты всё время борешься

со мной! – снова обвинил меня Саша во всех смертных грехах.

40

На следующий день – опять бульвар. После того, как я настроилась на дальнюю поездку, двигаться по той же дороге, да ещё со скоростью похоронной процессии, стало для меня невыносимым. Я чувствовала себя, как старая цирковая лошадь.

Да разве можно делать каждый день одно и то же? Разве можно? Ко мне всё чаще стала приходить мысль дёрнуть руль куда-то в сторону, хоть на бордюр, хоть на припаркованные у тротуара машины.

Саша теперь ездил в постоянном напряжении, готовый в любую секунду остановить меня и уберечь от аварии.

– Давно ты работаешь в автошколе? – спросила я.

– Сорок лет, – услышала я ответ.

Сорок лет! Сорок лет по одному и тому же маршруту! Сорок лет ежедневно с разными людьми, от каждого из которых неизвестно чего можно ожидать. Сорок лет по восемь часов в день непрерывного напряжения и ответственности за чужие жизни и машины. Наверное, в этом и есть главный секрет мастерства: любовь к своему делу, ежедневная практика и бесконечное терпение.

Господи, ну почему мне не дано того же? Или мне не дано

это только в вождении? Наверное, каждому своё...

41

Я не могла больше ездить по бульвару. Во мне назрел бунт, и я объявила войну. Вот здесь, на последнем перед учебной площадкой светофоре, вместо того, чтобы опять поехать прямо, сейчас можно сделать поворот и после него, вопреки ежедневному плану, хотя бы ещё один круг.

Я направила машину левее.

– Налево собралась?! – вскинулся Саша и резко дёрнул руль в свою сторону, – Учти: у тебя будет та-акая помеха справа!

42

Вот почему? Почему Саша вёл себя тогда со мной совершенно не так, как с другими? Он неожиданно стал весел и приветлив со всеми, а со мной оставался напряжённым и скованным. И при этом, стоило мне сделать лишь один шаг в сторону от него, возразить хоть слово, как он, словно паук, выбрасывал липкие сети и ловил меня снова и снова. Я чувствовала себя так, словно меня зажали в тиски, и мне с каждым днём становилось всё тяжелее дышать.

43

За два дня до окончания занятий моё терпение лопнуло. Припарковав машину, я подошла к группе инструкторов и выбрала из них того, кто стоял ко мне ближе всех. Им оказался Сергей.

– Я хочу получить дополнительные уроки, – заявила я почти как приказ.

– А Санёк? – удивился тот.

– Он уходит в отпуск.

Сергей раскрыл рот и посмотрел в сторону Саши. Тот молча копался в багажнике учебной машины.

– Ну, давай, – неуверенно согласился он.

– Они поубивают друг друга! – почему-то воскликнул старший мастер.

Я пропустила его слова мимо ушей.

– Мы не будем ездить по бульвару! И мы не будем ездить со скоростью тридцать километров в час, – диктовала я свои условия.

– Разумеется, – пожал плечами мой новый инструктор, – Я вообще никогда так не езжу.

– Завтра в семь, – и я ушла с учебной площадки.

44

– Я не хочу на бульвар! – утром, в семь часов, напомнила я свой ультиматум.

– Нет-нет, никакого бульвара! Мы едем совсем в другую сторону! – успокоил он меня.

– Мне к девяти обратно!

– Я знаю, – понимающе кивнул мне Сергей.

Пора грузиться с машину. Только бы он не стал учить меня вождению!

– Серёга! Держи крепче. Убежит, – строго напутствовал его на дорогу старший мастер, и машина выехала в город.

В автошколу набирают хороших работников: как добросовестный инструктор он всё же попытался объяснить мне что-то полезное. Мне это было абсолютно не интересно.

– Расслабься, я сама всё сделаю, – положила я свою руку ему на ногу.

Сергей крикнул, нацепил на нос очки и, отгородившись от меня кипой бумаг, принялся изучать их с большим вниманием.

45

Машина шла не меньше восьмидесяти. Впечатлений – ноль. Да, Сергей отличный инструктор. Да, я ехала не по бульвару. Да, по радио надрывался шансон. Но уже через несколько минут мне захотелось обратно на учебную площадку...

Я постоянно смотрела на часы, и по мере удаления от автошколы моё беспокойство возрастало.

– Я успею к девяти? – спросила я уже не в первый раз.

– Успеешь! – успокаивал меня он.

– Может, пора обратно?

– Время ещё только восемь.

Уже восемь? А я на другом конце города!

– Давай назад! – категорически потребовала я.

– Ещё заправиться надо, – он словно никуда не торопился.

– Я опоздаю!

– Да нет его сейчас там!! – воскликнул Сергей, однако, взглянув в мою сторону, твёрдо пообещал: – Будешь на месте, как часы.

46

После того, как я неохотно припарковалась у бензоколонки, Сергей покосился в мою сторону и на секунду задумался.

– Ручник, – приказал он не терпящим возражений тоном.

– А у Саши выше поднимается, – выполняя его распоряжение, язвительно заметила я.

Сергей закатил глаза и вылез из машины.

Заправка заняла намного больше времени, чем мне бы хотелось. Через пару минут я впала в панику. Не хочу я быть здесь! Я хочу к Саше. Рука сама потянулась к замку зажигания.

– Сидеть! – Сергей бросился в салон и выдернул ключ.

Подумаешь! Я и пешком дойду. Я распахнула дверь ма-

шины. На этот раз коренастая фигура инструктора возникла прямо перед капотом.

– Дверь закрой, – и он захлопнул клетку.

47

Ровно в девять я въехала на территорию автошколы.

Я села за руль Сашиной машины, словно взошла на эшафот. Саша выглядел так, слово постарел лет на десять.

Мы начали наше бесконечное кружение по бульвару.

– Саша, – мой голос казался беззаботным, хотя внутри меня всё дрожало от напряжения, – Саша, научи меня водить машину.

– А я что делаю? – глухо откликнулся он.

– Это не то. Это не вождение. Научи меня водить машину по-настоящему.

Саша молчал.

– Я хочу в город, я хочу на Садовое кольцо и Таганский перекресток. Я хочу на автомагистраль и скользкую дорогу.

– Это зимой, – заметил Саша.

– Хорошо, пусть зимой. Вот сдам экзамен, и ты будешь учить меня водить машину.

Саша повернул голову в мою сторону.

По радио сладкоголосо запел Меладзе:

...она бедовая, она неверная

и от бессонницы, наверное,
когда-нибудь с ума сойдёт...

– Ты выбрала Сергея! – вдруг вскинулся Саша, и моё сердце наполнилось одновременно и болью, и ликованием.

– Какого Сергея?! – почти закричала я, – Тебя, тебя я выбрала!

– Ты выбрала Сергея, – твердил он своё.

– Я не выбирала Сергея, мне нужно было просто сравнить.

– Сравнила? – криво усмехнулся Саша.

– Сравнила, – твёрдо ответила я, – Ты лучше!

– Ты выбрала Сергея, – жёстко прозвучал всё тот же ответ.

48

После окончания этого занятия я забросила дела и весь день провисела на качелях во дворе детской площадки. Завтра последнее занятие. Я его не выдержу. Я сойду с ума.

Я взяла мобильный и набрала номер Сергея.

– Передай Александру Ивановичу, что я никуда не поеду. Ты поедешь со мной в девять?

– Я поеду, – согласился Сергей.

49

Как всегда в девять я пришла на площадку. Саша стоял

рядом с Сергеем и старшим мастером, и при моём появлении все лишние незаметно отошли в сторону.

– Тебе передали, что я не поеду?

– Передали, – он не смотрел в мою сторону и был похож на каменное изваяние. Его голос звучал, как из могилы.

– Я передумала. Я поеду.

– Я не поеду, – с нажимом на слово «я» ответил Саша.

– Почему? Ты уже договорился с кем-то другим?

– Да.

– С кем? – окинула я взглядом пустую площадку, – Здесь никого нет! Ты договорился с учеником? В девять?

– С женой! С женой я договорился в девять! – и его лицо перекосилось.

В жизни бывают такие моменты, когда решение нужно принимать молниеносно. Точнее, оно само приходит, и сопротивляться этому бессмысленно.

– Саша! – закричала я, – Саша, позвони мне! Меня не надо учить водить машину! Я сама буду водить машину. Позвони мне просто так!

Его лицо дрогнуло:

– Посмотрим, – глухо ответил он и отвернулся от меня в сторону, но я почувствовала перемену.

– Куда посмотрим, на что посмотрим? – не унималась я.

Старший мастер, незаметно возникнув сзади, взял меня под локоть.

– Иди в машину, он позвонит тебе, позвонит, – с улыбкой

принялся успокаивать он меня.

Я не поверила, но что я могла сделать? Саша сел в свою машину и уехал с площадки. Я уехала с Сергеем.

50

В день экзамена я вышла из дома впритык по времени. Обычно я выхожу раньше, но тогда мне вообще не хотелось никуда ехать. Получу или не получу я права, меня уже не волновало.

Саша стоял посередине площадки для сдачи экзаменов на фоне огромной эстакады. Один. Мы увидели друг друга метров за сто, и лица наши засияли.

Далеко по краям площадки, справа и слева, уже толпились многочисленные группы желающих сдать экзамен. А он стоял в одиночестве прямо посередине и смотрел на меня, не отводя глаз. Мне захотелось с разбегу броситься ему в объятия. Я шла и видела только его. Его улыбка была для меня как маяк. Я почти не касалась земли.

Не дойдя до Саши несколько шагов, я словно споткнулась. А если я сейчас брошусь ему на шею, а он оттолкнёт меня? Ведь оттолкнул же несколько дней назад. И это увидят все вокруг: не увидеть нас просто невозможно.

– Здравствуй, Саша, – кивнула я и прошла мимо него.

51

Этот экзамен я провалила. Так же, как и все последующие. Права для меня сделал Сергей.

Прошёл июль, потом август, наступил сентябрь. Звонка не было.

52

Если мужчина влюблён, он может многое. Он может прийти к женщине с цветами и подарками, он может пригласить её в кино или театр, он может помогать ей по хозяйству, осыпать комплиментами и оказывать множество знаков внимания.

Что может женщина, когда она влюблена и хочет встречи? Ничего. Наше общество не предусмотрело для неё такой возможности. Она может только надеяться и ждать. Но только лишь ждать и надеяться – не выход для моей деятельной натуры.

53

Я позвонила Саше в середине сентября.

Он был крайне удивлён, и он был рад моему звонку. Я услышала это в его нетвёрдом голосе, хотя он и попытался придать ему оттенок непринуждённости.

Я забыла все слова, которые приготовила заранее и для

верности даже записала на бумажке. Почти не слыша, что он говорит, я торопливо поинтересовалась его делами и напомнила свою просьбу об уроках вождения.

В трубке повисла пауза.

И тут, вспомнив свою обиду на то, что он так и не позволил мне, я выдала следующую фразу:

– Только не тяни до Нового года: я могу увлечься новым проектом.

Я услышала приглушённый стон – и Саша повесил трубку. Ответного звонка я не дождалась.

54

У женщин всё же есть преимущество перед мужчинами: они могут плакать. И вместе со слезами уходит боль, уходят тревога и горечь от несправедливости обстоятельств, уходят гнев и детские обиды.

Жаль, что только на время...

55

Там, где не срабатывают обычные способы, могут помочь волшебные. Выйти за пределы привычного опыта, совершить то, чего не делал никогда раньше – что может быть чудеснее? И что может быть проще?

Мужчину можно приманить! Манкой. Обычной манкой,

что продаётся во всех продуктовых магазинах.

От моего дома до учебной площадки автошколы ровно девятьсот восемьдесят пять метров, если верить карте. Сколько манки нужно, чтобы рассыпать её на таком отрезке дороги? Я стояла перед полками в универсаме и принимала важное решение: одна килограммовая пачка или две? Я купила две: туда и обратно.

56

Утром, примерно в пять часов, я вышла на прогулку по первому, светлому и чистому снегу, и она действительно оказалась для меня волшебной.

Манка сыпалась из пакета ровной тоненькой струйкой: я специально сделала дырочку как можно меньше. Окрестные дворники рассматривали меня в темноте с озадаченным выражением на полусонных лицах. Первого пакета хватило ровно до ворот автошколы! Так!

А теперь от автошколы обратно к моему дому.

До самого вечера у меня было чудесное, нереально блаженное состояние. Словно мечта уже стала воплощаться, словно на дорожке из рассыпанной к моему дому крупы уже появились Сашины следы. Я легла спать счастливая и умиротворенная.

Всё будет. Всё будет хорошо. Надо только ещё чуть-чуть подождать.

Но я не умею ждать... И найдя новый повод для разговора, а потом ещё и ещё, я набирала номер его телефона. Я скучала по нему, я хотела слышать его голос, я хотела говорить с ним. И я говорила.

Каждый раз он был разный: открытый или замкнутый, усталый или весёлый, молчаливый или разговорчивый, он беседовал со мной. И я узнала, наконец, какой он есть на самом деле. Не бог, не икона, не каменный идол для языческих молитв, а пожилой усталый человек с нелёгкой судьбой и жаждущим материнской ласки сердцем.

Если бы я только могла, я усыновила бы его.

Саша не сделал ни одного шага ко мне за целый год.

Он не отталкивал меня, но и не стремился навстречу. Он не пытался что-то изменить во мне, не давал советов, не просил об услугах, не тратил времени на праздные расспросы.

Он только лишь слушал меня про меня и рассказывал о себе, когда я просила его об этом.

Можно ли желать большего? Оказывается, можно, особенно когда на дворе вновь расцветает май. Мне стало мало телефонных разговоров. Я захотела видеть Сашу.

60

Я пришла на площадку для обучения вождению. Там многое изменилось. Исчез шумный и беспокойный рынок. Вырубили густые заросли кустарника. На здание автошколы повесили новую табличку прямо поверх старой.

Саша появился из стеклянной двери сияющий и шёл ко мне навстречу. Я увидела перед собой энергичного, подтянутого мужчину с лучистыми зелёными глазами.

Мы стояли и разговаривали на пороге автошколы. Шутили, смеялись, я толкала Сашу в бок локтем. А он курил одну сигарету за другой почти безостановочно. И руки у него слегка дрожали.

– Научи меня водить машину! – повторила я ему свою прошлогоднюю просьбу.

На этот раз он согласился.

61

Я пришла на пятнадцать минут раньше назначенного срока. На часах было пять сорок пять утра. Саша уже вывел машину на улицу и закрывал ворота.

Я села на водительское место, он занял место инструктора...

– Всё отменяется, – неожиданно заявил мне Саша и вышел из машины обратно, оставив дверь со своей стороны нараспашку.

От удивления я раскрыла рот и выскочила вслед за ним:

– Возвращайся обратно!

– Я никуда не поеду: у меня нет настроения, я не хочу, я передумал, – тут же возразил он.

Я опешила. Что все это значит? Он гонит меня?

Слава богу, жизнь уже научила меня отделять важное от второстепенного, а настоящее от инсценировки. Я перестала верить делам, так же как ещё раньше перестала доверять словам. Я верю только намерениям. А если я их не знаю или не понимаю, я верю своему сердцу.

62

Саша не уходил, не закрывал двери машины, не отгонял её на учебную площадку. Закурив вторую сигарету, он начал ходить от автомобиля до дороги туда и обратно. А я за ним по пятам, потому что... Я не знаю почему, мне просто хотелось быть к нему поближе.

Мы кружили по замкнутому кругу, и я готова была двигаться по нему бесконечно. Он здесь, он рядом. Я желала именно этого. Разве имеет значение, чем мы занимаемся, ес-

ли нас обоих это устраивает?

Но мне было важно выяснить один вопрос.

– Саша, я хочу увидеть отца. Хотя бы раз в жизни просто увидеть. А он не зовёт меня к себе и не едет сам.

– При чем тут я? – поморщился Саша.

– Мне ехать к нему?

– Не знаю, поступай, как хочешь! – не глядя на меня, поспешно ответил он и тут же, остановившись, добавил совсем с другой интонацией: – Поезжай!

– А если он выгонит меня?

– Уедешь обратно.

– А если я не хочу?!

– Тогда оставайся, – внезапно севшим голосом произнёс Саша.

63

И я осталась. Я села на пассажирское место и закрыла за собой дверь. Уютно. По радио – лёгкая танцевальная музыка. Я прикрыла глаза.

Саша оказался за рулем и повёз меня на бульвар. Припарковавшись около табачного киоска, он заглушил мотор и, забрав с собой ключ, вышел на улицу. Машина осталась открытой.

– Ты надолго? – поинтересовалась я.

– Не знаю, – ответил Саша.

Примерно через пару часов мои глаза стали слипаться. Я перелезла на заднее сиденье, положила под голову сумку и, обняв себя за плечи, свернулась калачиком: так теплее.

Саша вернулся в девятом часу вечера. Он разбудил меня, постучав по стеклу пальцами, и не выходя из машины, я перелезла на пассажирское кресло.

64

Мы с Сашей едем в Ташкент. Я за рулём уже вторые сутки, дорожное полотно плавится от жары и плывёт у меня перед глазами. На спидометре сто сорок. Перейдя через критическую точку, машина словно оторвалась от земли и парит в воздухе. Дорога ровная, и держа автомобиль на трассе, я могу совсем не шевелиться. Шума мотора почти не слышно, в салоне всё замерло в неподвижности. Я никогда не боялась скорости. Пугаться можно лишь того, чем не умеешь управлять, а я чувствую Сашину машину как продолжение собственного тела.

Саша спит, прислонившись головой к боковому стеклу. Я смотрю в зеркало на его седые волосы и пытаюсь представить, каким он был, когда ему было двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят... Зачем судьба разделила нас во времени? Несколько десятков лет для Вселенной – такая малость, а для человека – полжизни, а то и целая жизнь. Грех жаловаться, мы могли бы не встретиться вовсе. И всё же, родись я чуть

раньше, а он чуть-чуть попозже...

65

Семьдесят два года. Что значит этот возраст для женщины? Время подведения итогов и заслуженной гордости или горечь разочарования и ощущение бессилия физического и духовного? Похоже, Сашу не волнуют эти вопросы. Значит, всё хорошо. Значит, он прожил свою жизнь, как надо.

Мне двадцать восемь, почти двадцать девять. Уже не девочка, но назвать себя взрослой не могу до сих пор. Да мне и не хочется быть взрослой.

За окнами казахские степи. Пейзаж пуст, однообразен и клонит в сон. Теряется чувство реальности. Мне хочется спеть Саше колыбельную, но голос дрожит и ломается.

Мы едем в Ташкент. Три с половиной тысячи километров от начала пути до пункта назначения. Три с половиной тысячи километров от моей квартиры на окраине Москвы до дома с бассейном на одной из центральных улиц столицы Узбекистана.

66

Я везу туда Сашу. Я везу его к моему отцу.

Листья. Апокалипсис

*Концу света, обещанному на 21.12.12,
посвящается*

1

Верочка появляется на работе с небольшим опозданием, чуть-чуть. Это чуть-чуть – не только из-за того, что автобус ходит по расписанию, раз в двадцать минут. Просто если садиться на предыдущий, то приедешь на работу на четверть часа раньше и столкнешься в дверях школы с толпой орущих и толкающихся учеников. «Пропустите Веру Анатольевну!» – начинает орать кто-то из старшекласников, распахивая малышей, и создаётся дополнительная суета, которая так не нравится Верочке. Ну почему дети всегда шумят? Наверное, ей не следует работать в школе...

А если садиться на следующий, то придёшь на пять минут позже положенного времени, и можно пройти в полной тишине к дверям директорской приёмной по гулкому коридору на цокающих о кафельную плитку каблучках. Это Верочке нравится, она вслушивается в мелодичное «цок-цок», похожее на ритмичный ход часов, и на душе у неё становится легко и спокойно. В раздевалке суетливо и всегда молча шебуршатся опоздавшие. «Доброе утро, Вера Анатольевна», – по-

чти шёпотом и опустив глаза в пол, стараются они как можно менее заметно проскользнуть мимо неё на лестницу. Всё-таки не зря она устроилась работать в школу...

Затем – двадцать пять минут отдыха. Директриса никогда не ставит себе в расписании первых уроков и появляется на работе ровно в девять, за двадцать минут до начала второго занятия. Идеальная начальница. За это время Верочка успевает привести в порядок причёску и обувь и разложить на столе журналы и ручки. «Доброе утро, Алла Николаевна», – поднимает она глаза навстречу руководительнице, – «Как ваше самочувствие?» И после десятиминутного разговора, когда нужно только заинтересованно кивать и покачивать головой, Верочка практически на целый день предоставлена сама себе: школьные перемены Алла Николаевна проводит в учительской на третьем этаже. И там же работает вторая секретарша, которая занимается всеми документами. Верочке нужно только отвечать на редкие телефонные звонки и следить за тем, чтобы ученики не бегали по первому этажу и не пробирались покурить под лестницу или на школьный двор.

И Верочка достаёт из сумки книги... Читает Верочка много, почти постоянно: в автобусе, дома, на работе, даже в гостях. И не какие-нибудь слезливые дамские романы или наивно-бестолковые детективы, нет, изо дня в день уже много лет Верочка старательно читает учебники и энциклопедии. От детских книжек из серии «Хочу всё знать» с большими

цветными иллюстрациями до сухих статей в научных журналах, где она понимает лишь некоторую часть текста.

Иногда, отложив книгу, Верочка подходит к окну и смотрит на школьный сад. Ветер неслышно перебирает за стеклом ветки кустов и деревьев, а Верочка представляет себя стоящей на пороге университета Сорбонна в развевающейся академической мантии и четырёхугольной шапочке с кисточкой, со стопкой научных книг, бережно прижатых ею к груди одной рукой. Второй рукой Верочка поправляет выбивающиеся из-под шапочки локоны. Верочка – учёный: она прочитала очень много книг, а те, которые она держит в руках, написала она сама. Верочка не знает, из какой области знаний эти книги: физика, химия, биология, может быть, даже математика. Да и какая разница? Наука едина во всех лицах...

Вот и сегодня она мечтательно стоит, прислонившись к подоконнику и глядя через стекло на школьный сад. Снег уже почти везде растаял, и пропитанная талой водой почва ослепительно чернеет между корнями. Несколько дней по-весеннему греет солнце. Скоро, совсем скоро, через каких-нибудь пять недель, наступит лето, и школьники, кроме сдающих экзамены старшеклассников, разъедутся по деревням и домам отдыха, а потом придут долгожданные счастливые каникулы – у работников учебных заведений они самые длинные. И можно будет читать без перерывов на дорогу до работы и обратно, не отвлекаясь на повседневную суету.

А суэта постоянно не даёт покоя. Вот и сейчас Верочка замечает стайку семиклассников, прячущихся за углом школьного сарая. Пробрались-таки незаметно мимо неё на улицу, может быть, даже пролезли из окна туалета второго этажа на козырек крыльца запасного выхода и спустились оттуда... Разумеется, курят. Верочка берёт плащ и, неторопливо пройдя по длинному коридору, выходит на улицу.

«Идите в класс», – обращается она к мальчикам и замирает в ожидании исполнения своего требования. Те, конечно, уже успели выкинуть сигареты и затоптать их в мокрую землю – Верочка видела все эти действия, пока шла от крыльца.

«А что?» – недовольно вскидывается один, – «Подышать воздухом нельзя?»

Остальные незаметно толкают его в бок: «Да ладно, тихо ты».

«Идите в класс», – спокойно повторяет Верочка.

«А что она всегда вот так?» – возмущается мальчишка, обращаясь уже к своим одноклассникам. Те отводят глаза и, поёживаясь от весенней прохлады, – выскочили-то на улицу налегке – направляются к входной двери.

«А что вы всегда вот так? А что, подышать нельзя?» – продолжает задираться парнишка и в сердцах хватается за крупную ветку ближайшего куста. Она обламывается с сухим резким звуком.

Верочка удивлённо поднимает брови. Сейчас самый конец апреля, почва мокрая, на улице несколько дней под-

ряд плюс десять-двенадцать – ветви должны быть влажными и поэтому гибкими. Она забирает у мальчика ветку и подносит её к глазам, затем подходит к кусту и наклоняется, внимательно изучая место разлома. Оно абсолютно сухое, а на ветках не видно набухших бугорков. Верочка идёт к соседнему растению и аккуратно отламывает веточку от него. Раздается такой же сухой щелчок. Верочка по очереди подходит к школьным деревьям и методично обламывает прутья от каждого. Во всех случаях она не встречает никакого сопротивления: деревья совершенно сухие. Странно...

Верочка направляется обратно к школе и сталкивается на пороге с теми же семиклассниками, которых она прогнала учиться. Они смотрят на охапку хвороста в её руках с нескрываемым изумлением.

В приёмной она кладёт ветки на стол и начинает изучать их, достав из ящика большую лупу и нож для разрезания бумаг. Никаких следов набухания почек. Никаких признаков жизни.

Вечером, после окончания уроков и продлёнки, впервые за всё время работы в школе, Верочка направляется домой пешком. Шесть остановок – это два километра. Продвигаясь в сторону дома, она идёт зигзагами, перелезая через ограждения на газоны, от одного дерева и куста к другому, обламывая раз за разом новые ветки, и уже не несёт их с собой, а, внимательно рассматривая, бросает здесь же на землю... Они сухие. Абсолютно сухие. Абсолютно все. И ни на одной

ветке нет набухших, собирающихся лопаться листьями, свежих почек.

Верочка приходит домой и, пройдя, не разуваясь, на кухню, наливает себе из-под крана стакан холодной воды. Эта зима не была холодной. Что же случилось с растениями?..

2

Назавтра, двадцать первого апреля, в субботу, несмотря на почти бессонную ночь, Верочка встаёт очень рано. Вытащив из кладовки кучу старого ненужного хлама и забравшись в неё чуть ли не целиком, она достаёт из самой глубины старый запылённый аквариум, хозяйственное ведро и побледневший от времени, поцарапанный пластмассовый кувшин. Тщательно сполоснув ведро и аквариум под тёплой струей в ванне, она ставит ёмкости на кухонный подоконник и с помощью кувшина наполняет их прохладной водой.

Затем, отодвинув с дороги вчерашние грязные туфли, Верочка выходит во двор. Мощными кухонными ножницами она отстригает от растущих перед домом деревьев пышные кустистые ветки длиной около семидесяти сантиметров, наклеивает на каждую из них лейкопластырь и аккуратно пишет на нём: «дуб», «береза», «рябина», «клён», – после чего тщательно раскладывает ветки на две одинаковые связки.

Дома она ставит первую охапку в ведро, как традиционный букет, а вторую, такую же, погружает в аквариум «с го-

ловой», целиком.

Потом Верочка включает телевизор и ищет программы новостей. Новости идут попеременно на всех каналах, кроме музыкальных, и она терпеливо выслушивает информацию про новые катастрофы и политические события, а затем про погоду. Ни о чём, что касалось бы высохших деревьев, в новостях не сообщается.

Потом Верочка штудирует Интернет в поисках каких-либо сведений о необычных природных явлениях или химических авариях в их городе или районе. И ничего не находит. Зато ей попадает статья о том, как можно надолго сохранить новогоднюю ёлку живой и пушистой: необходимо добавить в воду, где она стоит, таблетку аспирина.

Она отправляется во двор за новой партией веток, размером чуть поменьше, и, точно так же подписав, погружает их в кувшин с мутной от ацетилсалициловой кислоты жидкостью.

Назавтра с ветками в ведре и кувшине не происходит никаких изменений. А ветки в аквариуме еле заметно набухают, но не в местах предполагаемого расположения почек, а между ними. Кора на них становится чуть рыхлой.

На следующее утро, в понедельник, они находятся всё в том же состоянии.

По дороге на работу, стоя в битком набитом пассажирами автобусе, Верочка урывками читает в сельскохозяйственном журнале статью про защиту культурных растений от лет-

ней засухи. В качестве единственно необходимого средства предлагается вода: полив сверху в сумерках или в тёмное время суток, когда палящие лучи солнца не обжигают листья, а также орошение снизу, с помощью специальных каналов – в любое время. Однако как раз воды-то сейчас достаточно...

Напротив Верочки, мешая ей читать своими громкими разговорами и бурной жестикуляцией, сидят две полные пожилые женщины не городского вида. На них надеты дутые зимние куртки, и в ногах у каждой стоят корзины, закрытые сверху завязанной на двух сторонах ручки марлей.

«Она корову свою продала», – слышит Верочка оживлённый диалог, – «Сена очень мало было в том году, а в этом ещё меньше, прямо неурожай какой-то на траву и клевер».

«Да-да-да, и в Бутьянове тоже двое хозяев своих бурёнок продали. Прямо совсем нечем кормить скотину».

Верочка закрывает журнал и наклоняется к разговаривающим: «Скажите, что у вас в корзинах?» – без обиняков задаёт она прямой вопрос.

Женщины поднимают головы в её сторону и недовольно хмурятся.

Верочка спохватывается и придаёт лицу самое добродушное выражение: «Грибы, наверное? Для сморчков уже самое время», – высказывает она предположение и улыбается как можно более приветливо.

«Ой, да какие там грибы!» – смягчается одна из женщин, –

«Нету на этом годе грибов. Совсем неурожайный год какой-то. Вот на прошлом годе было ещё ничего», – пускается она в воспоминания, но Верочка уже выходит на своей остановке.

На первом этаже в школьной раздевалке визг, шум и гам. ребята хохочут, дерутся, громко рассказывают друг другу важные детские новости.

Обходя копошащихся на полу малышей, Верочка проходит на своё рабочее место и опускается за стол в задумчивости, подперев подбородок одной рукой. Мало сена – невыгодно и тяжело содержать коров. А если его вообще не будет? Если трава по каким-то причинам не взойдёт? Что тогда будут есть коровы? Как надолго хватит запасов на всех животных?

И грибы куда-то запропастились... Верочка вспоминает, что в этом году не видела около автобусных остановок закутанных в пуховые шали бабушек с букетиками подснежников и мимозы.

А если не взойдут зерновые? И другие культурные растения? Конечно, в стране всегда есть стратегические запасы зерна и продуктов на случай неурожая, кроме того, если не хватает своих продуктов, их завозят из других районов или стран. А если и там неурожай?

Вечером, вернувшись из школы, Верочка первым делом идёт на кухню и отмечает, что с ветками за время её отсутствия не произошло никаких изменений.

Верочка берёт телефон и набирает знакомый номер.

«Алло! Алло, Лена!» – кричит она в телефонную трубку.

Лена – её старая школьная подруга, они дружили и после школы, а потом Лена вышла замуж и уехала с семьёй в другую область, очень далеко на восток от их небольшого городка и чуть южнее. У них сейчас уже почти полночь.

«Лена! Как дела? Как Машенька?» – и сразу после традиционных вопросов Верочка задаёт тот, который волнует её сейчас больше всего: «У вас как там с погодой? Весна? Листья распустились?»

«Весна», – небрежно замечает Лена и начинает опять рассказывать про мужа и дочку.

«Лена, у вас листья распустились?» – снова задаёт тот же вопрос Верочка.

«Листья? Не знаю. А что?»

«Иди, посмотри! Лена, я на полном серьёзе. Иди и посмотри в окно, у вас распустились листья?»

Лена удивлённо замолкает, потом удаляется на несколько минут, видимо, смотрит на улицу из разных комнат. Верочка вспоминает их квартиру: ветви деревьев вплотную прилегают к окнам, и летом в доме царят приятная прохлада и полумрак.

«Нет», – возвращается Лена, – «Ещё не распустились. А что?»

«А на ветках почки есть? И когда у вас обычно распускаются листья? В конце марта? Начале апреля?» – с тревогой

спрашивает Верочка.

В трубке возникает пауза. Спустя некоторое время Лена неуверенно отвечает: «Ну, вообще-то уже и правда пора... А почек вроде бы тоже нет, ну или есть, но маленькие. А что?»

«Нет или маленькие?» – требовательно переспрашивает Верочка.

В трубке опять повисает молчание и затем слышно, как Лена открывает то ли окно, то ли балконную дверь.

«Нет», – приносит она ответ...

3

В среду во время перемены Верочка решает подняться в кабинет биологии, к учительнице Марине Сергеевне. Её класс расположен на самом верху, на пятом этаже, и дыхание Верочки во время пути заметно учащается.

Марина Сергеевна сидит за столом в задумчивости и лишь слегка поворачивает голову в сторону посетительницы. Верочка останавливается напротив неё и замечает, что в классе что-то не так.... Кажется, что-то с окнами. Они какие-то вроде слишком большие. А, вот в чём дело: на подоконниках нет цветов. Обычно они уставлены вплотную горшками с круглогодично цветущими растениям.

«Где цветы?» – глухо спрашивает Верочка.

«В лаборантской», – не глядя в её сторону, отвечает Ма-

рина Сергеевна.

Верочка проходит в смежный с классом кабинет и видит на полу десятки разноцветных цветочных горшков с высохшими на корню комнатными растениями.

«Когда?» – задает она вопрос, выйдя из лаборантской обратно в кабинет.

«В выходные», – тихо отвечает учительница биологии.

«Почему не сказали?» – хочет спросить её Верочка, но слова застревают в горле.

Вечером следующего дня Верочка переносит через порог своего дома оттягивающие руки пакеты и тяжело опускается на табурет в прихожей.

Сегодня она сделала в магазин уже шесть ходок. Шестнадцать раз она принесла домой по две полные сумки. А вчера сняла в сбербанке с книжки ровно половину денег, которые копила в течение многих лет на загородный участок. И вчера же позвонила ещё раз Лене. Лена сначала ничего не поняла, потом ничему не поверила, а потом почему-то стала очень подробно рассказывать Верочке ещё раз об их с Валеркой свадебном путешествии в Крым и рождении Машеньки. Сегодня они тоже всей семьёй ходят по магазинам, Верочка взяла с неё честное слово.

Верочка волоком отгаскивает пакеты на кухню. Крупа, макароны, сгущёнка, подсолнечное масло, тушёнка в жестяных банках, консервированные фрукты. Насчёт фруктов у Верочки есть большие сомнения: они низкокалорийные,

дорогие и очень тяжёлые. По сути, это вода с небольшим количеством витаминов. Но как раз присутствие витаминов решает всё, и несколько банок со сладкими персиками занимают своё место в кухонном шкафу. Рядом ровными рядами встают мешки с сушёным шиповником и яблоками, пакеты с сухим молоком и большая упаковка шоколада.

Муки нужно купить ещё: Верочка заметила, что запасов этого продукта в магазине всего несколько коробок, – и пару килограммов соли заодно.

«Не донесу», – с тревогой думает Верочка.

«Донесёшь», – слышит она свой же внутренний голос.

Но это завтра, надо же и передохнуть. А пока – в аптеку.

В аптечном зале большая очередь. Верочка просит предупредить, что она последняя, и садится на скамейку у окна. Очередь движется неспешно, и Верочка замечает, как пожилой мужчина, сделав покупку, тут же пристраивается в её хвост.

«Я последняя», – не вставая с места, громко сообщает ему Верочка.

«Да-да, меня предупредили», – кивает тот и начинает быстро стягивать через голову серый свитер, под которым оказывается ярко-зелёная рубашка.

Когда очередь доходит до Верочки, она замечает над окошком неброскую надпись: «Продажа витаминов не более 3-х упаковок в одни руки».

«А что, сейчас дефицит витаминов? Я как раз за ними», –

сообщает Верочка девушке-фармацевту.

«Какие вам?» – устало отвечает та вопросом на вопрос.

«Мне поливитамины самые сильные и в самых больших пачках», – заявляет Верочка, – «Такие у вас есть? Или вы всем уже отпустили по три штуки в одни руки?»

«Это не я придумала, это распоряжение пришло из мэрии», – поясняет фармацевт.

Выходя из аптеки, Верочка оборачивается через плечо и видит, как мужчина в ярко-зелёной рубашке тоже покупает три большие упаковки поливитаминов.

«Надо сходить за мукой непременно сейчас», – отмечает она про себя и направляется к продуктовому магазину.

Купив шесть двухкилограммовых пачек пшеничной муки высшего сорта, Верочка останавливается напротив витрины с фруктами и не может оторвать глаз от спелых плодов. Особенно красивым кажется ей яблоко – вон то, самое крупное, с румяным наливным боком и свежей веточкой на макушке. Верочка покупает яблоко и бережно кладёт его в карман плаща.

Путь домой снова лежит мимо аптеки. Та уже работает в ночном режиме: через небольшое окошко в двери. Рядом с окошком стоит молодая женщина, держащая на руках плачущего ребенка. Верочка останавливается передохнуть и слушает жалобные детские вопли. Потом она достаёт из кармана яблоко и протягивает его малышу. Тот отталкивает её руки и заливается плачем ещё громче.

«Не надо ничего ему давать», – прикрикивает на Верочку мамаша, – «Не нужно ему ваше яблоко».

Верочка держит фрукт в руке и заморожено смотрит на него, словно на великое произведение искусства. Произнесёт ли кто-нибудь в здравом уме такую же фразу, какую сказала сейчас ей эта молодая женщина, через полгода после этого момента?

Ночью она смотрит по телевизору последние новости. Перевернувшиеся машины, пожары, встречи глав государств, спортивные победы и поражения, – всё, как обычно. Но она вдруг замечает, что с экрана полностью исчезла реклама фруктового сока – та, где жизнерадостная семья из пяти человек тепло обнимается на фоне цветущего яблоневого сада. Да уж, в доме повешенного не говорят о верёвке...

Перед сном Верочка ещё раз проверяет состояние веток. Те, которые стоят в кувшине и ведре, выглядят так же, как в первый день, когда она поставила их в воду. А ветки в аквариуме уже явно начинают портиться: с них тонкими ломтиками облезает кора, и вода в ёмкости становится мутной. Через несколько дней могут загнить. Наверное...

Прежде чем лечь спать, Верочка тщательно проверяет, заперта ли входная дверь. Может, врезать дополнительный замок? И надо бы купить крысиного яда, не хватало ещё пережить нашествие мышей. Пережить... Это слово помимо её воли звучит в Верочкиных ушах. Пережить. Надо пережить...

Утром Верочка просыпается от раздражённой брани дворника, водружающего на флагшток, расположенный рядом с её кухонным окном, праздничное полотнище. Ему мешают дотянуться до стены сухие ветки, и он, возмущаясь тем, что исколол себе руки, насыляет на них всяческие проклятия. Верочка саркастически усмехается.

Сил идти по магазинам уже нет совсем. Тело болит, мышцы ноют и мелко подрагивают. В пятницу и субботу она взяла отгулы, а завтра первое мая, так что вчера и сегодня тоже оказались нерабочими днями: правительство совместило выходные и праздники, и получились небольшие каникулы.

В голове уже несколько дней звучит на разные голоса одна и та же фраза: «На всю жизнь не напасёшься, на всю жизнь не напасёшься». Раздавшаяся в первый раз, как оглушительный раскат грома, она приобретает всё новые и новые оттенки, и сейчас в ней слышны издевательски-насмешливые интонации. На Верочку наваливается новая боль, она зарождается где-то внутри, в районе солнечного сплетения, и разливается по телу пульсирующими волнами. Прижимая к груди подушку, Верочка зажмуривается и накрывается с головой одеялом.

Перед её глазами возникает разноцветная картинка пищевой цепочки, висящая в кабинете биологии на пятом этаже.

На ней в весёленьких рамочках последовательно слева направо изображены ярко-зелёный куст с крупными белыми цветами, такого же размера пёстрая корова, жизнерадостно скалящий зубастую пасть серый волк, стройный белоголовый орлан, гриб с блестящей коричневой шляпкой и нечто бесформенно-розовое, символизирующее собой огромного микроба, пожирающего в конечном итоге все предыдущие элементы цепи. Все изображения подписаны: «продуценты», «консументы» – первичные, вторичные, третичные – и в самом конце «редуценты». От одной картинке к другой тянутся стрелочки, а между звеньями нагло и уверенно вклинивается горбатый гриф-стервятник – представитель «детритофагов». Это слово не нравится Верочке: детритофаги – пожиратели падали. Также Верочке не нравится, что на учебном плакате нет изображения человека.

Сейчас в Верочкином воображении место цветущего куста занимает большой горшок с засохшим фикусом из кабинета биологии, а потом этот же горшок, проскакав через все картинке, оказывается надетым на голову грифу-стервятнику, и тот лохматой когтистой лапой безуспешно пытается стянуть его с ободранной шеи.

Верочка ехидно хмыкает и выбирается из-под одеяла. По всей комнате, в коридоре, в прихожей несколькими этажами громоздятся друг на друге коробки, тюки, мешки с продуктами. Она уже не помнит, сколько сделала ходок. Поначалу планируя и записывая запасы закупаемого продо-

вольствия, в конечном итоге она отказывается от этой мысли и сгребает с полок окрестных магазинов всё подряд: что полегче, поближе, попроще, подешевле и самое главное – посытнее. Свободное место теперь есть только на балконе, но туда Верочка ничего не складывает специально: увидят... Она с неудовольствием вспоминает вчерашний пристальный взгляд соседки на её тяжёлые баулы, когда они с ней в который уже раз сталкиваются днём у входной двери подъезда. Хорошо, что соседка не знает про лежащий в глубине одной из сумок приобретённый в спортивном магазине ледоруб...

Верочка ставит на плиту чайник и, протянув куда-то руку, берёт ближайшую пачку сухарей. Потом выглядывает из окна на улицу и наблюдает, как сосед с верхнего этажа ходит по газону, аккуратно отстригая от кустов и деревьев мёртвые полуметровые ветки. От мысли о том, что она уже не является одной из немногих, кто посвящён в тайну, Верочке становится немного легче.

В мусорном пакете у кухонной двери со вчерашнего дня лежат её ветки. Кора тех, которые она погрузила в аквариум целиком, то ли сгнила, то ли полураспустилась в мутной воде: она стала серой и расплзлась на отдельные рваные лохмотья, но без характерного для разложения запаха. Те же, которые стояли в ведре и кувшине как букеты, сверху остались без изменений, а снизу их поверхность точно так же испортилась под действием воды, не помог и аспирин.

Верочка понимает, что ставить эксперимент в стеснённых

домашних условиях больше нет никакого смысла. Она выходит во двор и, не поднимая глаз, проносит в сторону помойки огромный, оставляющий за собой мокрый след пакет с торчащими из него сверху и через многочисленные дырки ветками, буквально всем телом чувствуя на себе пристальный немигающий взгляд соседа.

«Сейчас по магазинам побежит», – догадывается Верочка, и её предположение оказывается правильным. В этот вечер и на следующий день она наблюдает всё увеличивающееся количество людей в окрестных супермаркетах, палатках и просто на улицах. Люди снуют туда-сюда с сумками, пакетами, тележками. Молча. Почему-то все ходят молча и не глядя друг на друга. Верочка и сама не испытывает ни малейшего желания общаться с кем бы то ни было. А в фильмах-катастрофах обычно показывают, как люди собираются все вместе и борются с катаклизмами сообща... Хотя с чем сейчас можно бороться?

В четверг Верочка не выходит на работу и вообще уже никуда не выходит. Окрестные магазины либо закрыты, и со стороны их служебных входов идут оптовые погрузки продовольствия в машины с заляпанной грязью номерами, либо от самого порога на несколько сотен метров тянутся огромные молчаливые очереди. Никто ей не звонит и не интересуется, что с ней происходит. С самого раннего утра и весь день она наблюдает в окно, как по улицам одна за одной тянутся в сторону области тяжело гружёные, заби-

тые людьми и продуктами машины. Семья из соседнего дома тоже собирается в путь. Мамаша устраивает на заваленные сумками задние сиденья тепло одетых близняшек: годовалых мальчика и девочку. Отец возится с прицепом, туго затягивая его сверху вторым слоем брезента. Под брезентом – несколько сотен полуторалитровых пакетов стерилизованного молока, того, которое хранится шесть месяцев.

К вечеру Верочка завешивает оконные проёмы и балконную дверь старыми шерстяными одеялами.

Несколько дней ничего не происходит. По телевизору работают только два музыкальных канала, которые Верочка включает на минимальную громкость, за закрытыми окнами тоже тихо. На улицу Верочка не показывается, а на ночь оставляет зажжённым у изголовья кровати слабый пятнадцативаттный ночник.

Одиннадцатого мая около полуночи Верочка слышит со стороны соседской квартиры дикий женский крик. Он словно разламывает пространство на части, проникает сквозь стены и предметы, отдаваясь в Верочкином черепе дрожащим резонансом. На плохо слушающихся ногах она подходит к балкону и неловко, с ключьями, оторвав от рамы прибитое к ней одеяло, распахивает настежь балконную дверь. Кричит соседка Валя, тридцатилетняя женщина, переехавшая в их дом в прошлом году с мужем и четырёхлетним сыном. Через открытое окно соседской квартиры, словно из пыточных казематов, несётся на улицу вопль отчаяния

и боли.

В соседних квартирах люди по очереди открывают окна и балконные двери. Медленно, словно во сне, поворачивая голову направо-налево, Верочка замечает то одного, то другого. Из распахивающихся окон на улицу падают полосы тусклого света.

Истошный Валин крик постепенно переходит в вой, потом в протяжный стон и, наконец, в приглушённые захлебывающиеся всхлипывания. «Валя, Валечка», – слышится теперь голос её мужа, пытающегося утихомирить плачущую женщину: «Тише, Валя, Ваньку разбудишь».

Спустя некоторое время, успокоив жену, он выходит на балкон, и Верочка слышит его хриплый подрагивающий шёпот: «Это... Плохо чувствует она себя... Голова, вроде, болит». Не поворачиваясь в его сторону, она молча кивает в пространство.

Потом поднимает глаза кверху и впервые в жизни возносит к небу благодарственную молитву: «Господи, спасибо тебе за то, что у меня нет детей! Спасибо за то, что я не буду вот так же кричать над постелью своего ребёнка, зная точно, что через некоторое время ни за какие деньги, никакой ценой не смогу достать ему пропитание...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.